

Нин Чжи спешил закончить свои дела и прогнать Хуа Чжаошуй, поэтому, серьезно поправив рукава, сказал:

— С цинем твоего учителя что-то не так, пойди посмотри. Кажется, после прохода через Диск Восьми Звезд он начал сбоить.

— Цинь Линьчуань? — Хуа Чжаошуй вздрогнул. — Этот цинь был связан с изначальным духом его учителя, или, можно сказать, был его воплощением.

Цин Ду тысячу лет назад пострадал в великой битве, его изначальный дух был поврежден, а цинь Линьчуань сильно пострадал, все семь струн разорвались, и до сих пор не было найдено способа их восстановить.

Несмотря на такие серьезные ранения, цинь Линьчуань оставался первым магическим артефактом Небес Четырех Брахм. Если из-за того, что он сопровождал его в мир людей, с ним что-то случилось, то Хуа Чжаошуй был готов искупить свою вину даже тысячекратной смертью.

Звездный Владыка Нин Чжи исчез, оставив только белого павлина, готового взлететь. Но Хуа Чжаошуй схватил его за правое крыло, и птица издала два гневных крика:

— Ци Гу! Отпусти меня! Ты осмелился поднять руку на вышестоящего, я пожалуюсь твоему учителю!

Хуа Чжаошуй извиняюще улыбнулся, осторожно погладил перья и сказал:

— Я... я просто хотел спросить, что случилось с цинем моего учителя? Это из-за путешествия в мир людей?

Белый павлин сердито взглянул на него, расправил крылья и улетел, оставив только постепенно затихающие слова:

— Сам посмотри!

Хуа Чжаошуй почувствовал себя виноватым, долго колебался, но наконец направился к Пруду Расколотого Снега.

Пруд Расколотого Снега был местом практики Шэн Цзяньвэя на Небесах Четырех Брахм. Снег здесь никогда не таял, лед оставался неподвижным, и так продолжалось тысячи лет.

Обычно Шэн Цзяньвэй медитировал, просто сидя у пруда, но если он уходил в затворничество, то неизвестно, куда именно он направлялся — Пруд Расколотого Снега, если измерять его по меркам мира людей, был размером с половину горы.

Пруд Расколотого Снега круглый год был покрыт снегом и льдом, здесь не росли ни цветы, ни грибы. Только немногие бессмертные журавли, еще не завершившие свою практику, в определенные дни могли приходить сюда, чтобы впитать немного духовной энергии Высших Божеств Небес Четырех Брахм.

Хуа Чжаошуй был исключением. Он был единственным учеником Божественного Владыки Цин Ду и мог в любое время приходить к Пруду Расколотого Снега для медитации и постижения Дао в потоке духовной энергии.

А Хуа Чжаошуй не был ни журавлем, ни Высшим Божеством. Он был одинокой душой, случайно найденной Божеством, которая стала нынешним Бессмертным Владыкой Ци Гу, практикующим на Небесах Четырех Брахм, о которых мечтают все, кто стремится к бессмертию.

Хуа Чжаошуй нашел своего учителя у Пруда Расколотого Снега — Божественный Владыка Цин Ду, облаченный в белые одежды, был неподвижен, как застывшая на тысячу лет гора. Перед ним лежал цинь Линьчуань. Казалось, он издали почувствовал присутствие Хуа Чжаошуя и, не оборачиваясь, произнес:

— Ци Гу, подойди.

Хуа Чжаошуй поспешно пришел в себя, быстро подошел к нему и позвал:

— Учитель.

Шэн Цзяньвэй не ответил, просто шевельнул пальцем, и Хуа Чжаошуй услышал звон. Он широко раскрыл глаза, поспешно подошел ближе и увидел, что одна из струн циня Линьчуань, разорванная тысячу лет назад, восстановилась.

Такие магические артефакты подчиняются законам судьбы. Если время не пришло, то сколько ни ищи, все будет напрасно. Видимо, цинь Линьчуань встретил предназначенный судьбой момент в жизни Шэн Цзяньвэя.

Хуа Чжаошуй запнулся, прежде чем воскликнуть:

— Учитель! Струна... струна вернулась!

— Возможно, это из-за путешествия через Диск Восьми Звезд. — Шэн Цзяньвэй не проявлял особых эмоций и жестом пригласил его сесть.

Хуа Чжаошуй сел рядом, с любопытством рассматривая цинь. Ведь он был поврежден тысячу лет, и за все это время Хуа Чжаошуй стал первым, кто увидел, как магический артефакт учителя начал восстанавливаться!

Он не мог сдержать радости, взглянул на Шэн Цзяньвэя и, набравшись смелости, спросил:

— Учитель, могу я потрогать?

Получив кивок, он осторожно протянул руку и слегка провел пальцем по восстановленной струне. Но едва коснувшись, он тут же отдернул руку.

— Что случилось?

Хуа Чжаошуй посмотрел на свою руку, затем на цинь, его лицо выражало недоумение:

— Не знаю, это странное чувство.

— Какое чувство?

— Ну... не могу объяснить, но мне кажется, что мой изначальный дух тоже дрогнул вместе со струной.

Сказав это, он вдруг покраснел от смущения. Ведь этот цинь был магическим артефактом

изначального духа его учителя, а он почувствовал в нем свой собственный дух. Осознав это, Хуа Чжаошуй опустил голову и замолчал.

Шэн Цзяньвэй тихо рассмеялся, понимающе сказав:

— Мой изначальный дух может потрясти тебя, это нормально. В конце концов, никто другой не прикасался к моему циню. Чего ты смущаешься?

Хуа Чжаошуй, которого разоблачили, почувствовал себя еще более неловко и тут же начал менять тему, подняв лицо и показав свой лоб:

— Учитель, посмотри, здесь все еще черный туман, я никак не могу его изгнать.

Шэн Цзяньвэй щелкнул пальцами и коснулся его лба. Ощущение тумана мгновенно исчезло.

Хуа Чжаошуй прищурился, когда перед глазами снова стало ясно, и с улыбкой сказал:

— Видимо, я еще не овладел мастерством, учитель одним движением все исправил.

Но Шэн Цзяньвэй не выглядел расслабленным, он задумчиво смотрел на свой цинь и через некоторое время спросил:

— Сколько бедствий тебе еще предстоит преодолеть?

— Пять бедствий и восемь страданий, учитель, это только первое.

— Осталось четыре, — Цин Ду словно про себя произнес это, затем взглянул на него и улыбнулся. — Похоже, мне тоже придется пройти с тобой оставшиеся четыре.

Хуа Чжаошуй не понял:

— Учитель, разве тебе нужно еще совершенствоваться?

Хуа Чжаошуй вошел в Диск Восьми Звезд, чтобы постичь Дао. Он был одинокой душой, и Божественный Владыка Цин Ду создал для него магическое тело из ветки орхидеи, что позволило ему стать Бессмертным Владыкой Ци Гу.

Но он практиковался сотни лет, и его прогресс был незначительным. Если бы не духовная энергия учителя, он, вероятно, уступал бы даже только что достигшим бессмертия смертным. По обычным меркам, первое, что должен сделать практикующий, — это отпустить мирскую жизнь. Но он забыл все прошлое, так как никогда не жил в мирской суете, так что же ему отпустить?

Поэтому, чтобы войти в врата бессмертия, он должен был пройти через Диск Восьми Звезд, вернуться в мир людей и узнать, что такое восемь страданий жизни, чтобы по-настоящему постичь Дао.

Но Божественный Владыка Цин Ду уже давно был одним из величайших Божеств на Небесах Четырех Брахм. Почему же теперь он тоже должен был отправиться в мир людей для практики?

Шэн Цзяньвэй легким движением пальца провел по корпусу циня, не отвечая на его вопрос, и сказал:

— Когда ты входил в Диск Восьми Звезд, что я тебе говорил?

Хуа Чжаошуй подумал и ответил:

— Учитель сказал, что практикующие кажутся отрешенными, но Дао берет начало из мирской жизни. Без мирской суеты нет Дао.

Шэн Цзяньвэй кивнул:

— Пройдя через Диск Восьми Звезд, цинь Линьчуань начал восстанавливаться. Видимо, мне тоже нужно отправиться в мир людей, чтобы найти свое Дао.

Хуа Чжаошуй поспешно спросил:

— Учитель, ты пойдешь со мной в Диск Восьми Звезд?

— Возможно, — Шэн Цзяньвэй посмотрел на него. — В твоём первом бедствии я ещё сохранял некоторую ясность и мог тебя защитить. Но в следующих бедствиях я уже не смогу тебе помочь, так что будь осторожен.

Хуа Чжаошуй кивнул и спросил:

— Учитель, когда мы пойдем снова?

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него некоторое время, не отвечая прямо, и сказал:

— Ты только что вернулся, сначала сходи к бессмертному старцу Юаньсюй за лекарством, вернись и хорошо отдохни. Подожди, пока Нин Чжи позовет тебя.

Хуа Чжаошуй встал, поклонился и сказал:

— Учитель, тогда я пойду.

Едва войдя в пещеру бессмертного старца Юаньсюй, Хуа Чжаошуй увидел, что этот седовласый старец уже велел своему ученику принести бессмертные плоды и, улыбаясь, словно ждал его.

Хуа Чжаошуй подошел и поклонился:

— Бессмертный старец.

Юаньсюй жестом предложил ему сесть:

— Ци Гу, как прошло твоё бедствие в мире людей? Было ли оно интересным?

Хуа Чжаошуй усмехнулся:

— Не знаю, быть смертным было довольно тяжело.

— Преодоление бедствия, — ученик налил вино, старец поднял бокал к губам, — не может быть легким и комфортным.

Хуа Чжаошуй поспешно остановил руку ученика, наливавшего вино:

— Вино лучше не пить, учитель запретил.

— Цин Ду стал следить за тобой? — Юаньсюй, поглаживая бороду, посмеялся. — Что за беда в одном бокале? Ты ведь пил вино мирской суеты, чем мое хуже?

Хуа Чжаошуй смущенно улыбнулся:

— Не знаю, но учитель запретил, так что я не буду, боюсь, он рассердится.

— Удивительно.

— Что удивительно?

Новая история началась! Если вам интересно, добавьте в закладки, спасибо! Планируется обновлять каждый день в полдень! Спасибо за чтение!

<http://bllate.org/book/16756/1562702>